

ЭВАРТ
ОКШОТТ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
КРЕПОСТИ

И ОСАДНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

РЫЦАРЬ

И ЕГО
ЗАМОК

Эварт Окшотт

**Рыцарь и его замок.
Средневековые крепости
и осадные сооружения**

«Центрполиграф»

Окшотт Э.

Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения / Э. Окшотт — «Центрполиграф»,

Окшотт, известный историк и знаток Средневековья, рассказывает о разновидностях средневековых поместий, представляющих собой сложную систему крепостных укреплений и осадных сооружений. Замок рыцаря – его личная вселенная, и Окшотт детально воссоздает эпоху феодализма, показывая, как менялось время, а вместе с ним менялось отношение человека к жилищу и всему, что его окружает.

Содержание

Рыцарь и его замок	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эварт Окшотт

Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения

Рыцарь и его замок

Глава 1

Граф Ричард Уорвикский

Одно из самых великолепных изваяний рыцаря, какое только можно увидеть, находится в Англии, в церкви Святой Марии, расположенной в Уорвике. Фигура выполнена из позолоченной бронзы; кажется, что это живой человек в золотых доспехах, настолько точно изваяно лицо и правдоподобно отлиты латы. Каждая деталь доспехов, как сзади, так и спереди, изготовлена с величайшим тщанием; не пропущен ни один ремешок, ни одна заклепка. На левом бедре висит меч; справа должен быть кинжал, но эта деталь – так как ее можно легко спрятать – давно похищена с надгробного изваяния, так же как и пара латных рукавиц, некогда лежавших рядом с мечом. Голова рыцаря покоится на большом турнирном шлеме, на гребне которого отлит лебедь, а в ногах помещена статуя медведя.

Изваяние было отлито в 1454 году и является точным подобием того человека, чье тело навеки упокоено в могиле под надгробием. Этого воина звали Ричард Бошамп, граф Уорвикский, и пятьсот лет назад его домом был замок, который и поныне стоит недалеко от города Уорвика. Замок этот и сейчас обитаем, как и при жизни графа. Он был реально существующим человеком, его надгробие является творением большого мастера и высочайшим образцом скульптурного изображения рыцарских доспехов. Но взгляните теперь на лицо этого человека: подумаете ли вы при этом, что перед вами воин, великий фехтовальщик и неприменный участник множества турниров, один из славнейших военачальников своего времени? Вероятнее всего – если бы он не был облачен в боевые доспехи, – вы решили бы, что это мыслитель, юрист, может быть, писатель или художник. Но тем не менее мы многое знаем о его деяниях – великолепных подвигах, достойных великого сэра Ланселота.

Много лет спустя после его смерти и после того, как его более знаменитый зять, творец королей, Уорвик, был убит в сражении при Барнете в 1471 году, престарелый историк по имени Джон Раус, служивший обоим этим графам, вдохновил одного из своих помощников на литературное описание подвигов и деяний графа Ричарда. Книга была озаглавлена «Представление рождения, жизни и смерти Ричарда Бошампа, графа Уорвикского». Предполагалось, что это будет книга иллюстраций с кратким текстом – подписью к рисунку на каждой странице. Для создания иллюстраций наняли фламандского художника, но работа так и не была закончена. Остались только тексты и наброски рисунков. Эти рисунки больше похожи на карандашные эскизы, но, естественно, они не могут являться таковыми, так как в конце XV века карандаш еще не был изобретен. Рисунки были выполнены инструментом, называемым *плагметом*, свинцовым «карандашом», – то был заостренный на одном конце продолговатый кусочек свинца, оставлявший такой же след, как и современный «свинцовый карандаш», хотя в этом современном изделии нет свинца, а стержень изготовлен из обычного графита. «Представление...» пролежало незаконченным много лет до тех пор, пока в конце XVII века его не переписал историк Дагдэйл. Он не добавил к произведению ничего нового, просто модерни-

зировал написание; я сделал то же самое, модернизирував, в свою очередь, орфографию Дагдэйла в некоторых особенно интересных местах, которые я выбрал для рассказа о жизни графа Ричарда.

Рис. 1. Изваяние Ричарда Бошампа, графа Уорвикского. Находится в часовне Бошамп церкви Святой Марии в Уорвике. Изваяние выполнено из позолоченной бронзы. Видно, что рыцарь облачен в доспехи миланской работы, сделанные приблизительно в 1450 году.

Этот наследник одного из самых пышных титулов в королевстве родился 25 января 1381 года. Его крестными отцами стали король – Ричард II – и архиепископ Кентерберийский. Из одного этого факта можно заключить, насколько важной персоной был этот младенец. Мы мало знаем о его жизни до девятнадцатилетнего возраста, когда в 1400 году король Генрих IV сделал его кавалером ордена Бани. С этого момента и начинается длинная история о многочисленных воинских подвигах знатного рыцаря. Во время коронации новой супруги короля Генриха IV, королевы Иоанны Наваррской в 1401 году, Ричард Бошамп «держал сторону королевы против всех претендентов, и при этом проявил истинное благородство». Это означало, что на одном из турниров, устроенных в честь коронации, он должен был отвечать на любой вызов, брошенный ему, как воину королевы, и граф Уорвик оказался достойным этой большой чести. Точно так же повел он себя и в более серьезном деле, когда ему было «приказано служить королю в течение одного года с сотней воинов и тремя сотнями лучников». Дело в том, что он, один из самых могущественных баронов королевства, был обязан содержать отряд обученных воинов, которыми король мог бы воспользоваться в случае нужды. Два года спустя, в 1403 году, такая нужда действительно возникла, и сэру Ричарду пришлось столкнуться на поле боя с силами мятежных графов Нортумберлендского и Вестморлендского. Эти объединенные силы возглавлял сын Нортумберленда знаменитый Генри Перси, прозванный Горячей Шпорой. Граф Ричард сражался в битве при Шрусбери бок о бок с принцем Уэльским (будущим королем Генрихом V) и после окончания битвы стал кавалером ордена Подвязки.

Пять лет спустя, в 1408 году, испросив у короля отпуск, он отправился в Святую землю, «дабы исполнить данные обеты и совершить паломничество. Покончив со всеми необходимыми приготовлениями для такого путешествия, он вышел в море. Совершая странствие, он посетил своего кузена, герцога де Бара, был им благородно принят и провел у кузена шесть дней, после чего последний сопроводил его в Париж, где по их прибытии сам король Франции, надев корону по случаю святого праздника, удостоил его чести сидеть за своим столом». (В Средние века короли надевали корону только на церемониях, посвященных праздникам Рождества, Пасхи и Троицы.) «А когда высокий гость отбыл, ему был дан в сопровождающие герольд, дабы обеспечить его безопасность при проезде по Французскому королевству.

Покинув же его, он вступил в пределы Ломбардии, где был встречен герольдом рыцаря по имени сэр Пандульф Маласет, каковой рыцарь передал ему вызов сразиться в поединке в Вероне в назначенный день в присутствии сэра Галеота Мантуанского, на что он и дал свое согласие. Вскоре после того, совершив паломничество в Рим, он повернул в Верону, где и встретился со своим противником, и они договорились сразиться сначала на турнире на копьях, а потом драться на топорах, затем на мечах, а потом на острых кинжалах. В назначенный день в место поединка стеклось множество народа, сэр Пандульф явился тоже, и перед ним несли девять копий. Когда копейная церемония закончилась, они схватились на топорах, и в этой схватке сэр Пандульф получил тяжкую рану в плечо, и, вероятно, был бы в конце концов убит, если бы сэр Галеот не прокричал: «Мир!»

После того он отправился в Венецию, где был с почестью принят герцогом (дожем) и другими, и он получил множество подарков за доблесть, проявленную им в Вероне».

Потом он отправился в Иерусалим, откуда снова вернулся в Венецию. Потом он посетил Россию, Литву, Польшу, Пруссию, Вестфалию и побывал в некоторых частях Германии, «везде выказывая большую доблесть на многочисленных турнирах».

В Англию Ричард вернулся в 1412 году. Таким образом, он преодолел все эти большие расстояния и посетил множество стран – сражаясь в каждой из них – в течение всего лишь четырех лет.

Как только граф Ричард вернулся в Англию, он «был индентурой от 2 октября 1412 года удержан при дворе Генриха, принца Уэльского, дабы служить ему в мирное время и на войне, как в королевстве, так и на море и за морем, за 250 марок в год, каковые будут выплачиваться ему равными долями из казначейства принца Генриха в Кармартене на Пасху и в Михайлов день. И в любое время нахождения при особе Генриха он должен иметь свиту из четырех дворян и шести йоменов и содержать их на свой счет. Договорено, что из всего, что он добудет в битве, принц будет иметь долю в одну треть, а также третью часть от трети, какую получают его воины; а в случае, если захватит он важного командира, порт или замок, то это же захватит и принц, дав ему за это достаточное удовлетворение».

Этот отрывок многое говорит нам об одной из главных обязанностей крупного землевладельца XV века. Такие бароны, как граф Ричард, не были просто любящими роскошь миллионерами, занимавшимися исключительно охотой, пирами и турнирами. Они также принимали важное участие в управлении государством в мирное время и в организации армии во время войны. Задачи, которые решал граф Ричард на службе принца Уэльского, касались военных дел больше, нежели дел политического управления. Но все же что конкретно имеется в виду под словами: «удержан индентурой»? Средневековая индентура была таким же юридическим документом, каким является современный контракт. На одном листе пергамента писали две копии договора – одна в верхней части листа, а вторая – в нижней. Затем верхнюю половину листа отрезали от нижней по зубчатой или волнистой линии («зазубрина» по-латыни «indentura»), и каждую половину вручали сторонам, заключившим договор. Таким образом гарантировалась подлинность договора, ибо никто не мог подделать линию отреза, а без этого две половины пергаментного листа не смогли бы точно соответствовать друг другу. Если же копии были подлинными, то линии отрезков идеально совпадали друг с другом.

Быть «удержанным» означало просто быть нанятым на службу для выполнения определенной работы – точно так же в наше время назначают учителя истории в школу, где он будет работать под началом какого-то principala, а сам принципал назначается на службу своим вышестоящим начальством из службы народного образования. Графу Ричарду был доверен пост на службе под началом принца Уэльского Генриха, и для того, чтобы исправно нести службу, он должен был держать при себе четверых дворян и шестерых йоменов. Йомены тоже были воинами, но не рыцарского ранга, хотя и имели свои особые специальности, как, например, инженеры в современных армиях. Йомен мог быть оружейником или кузнецом (человеком, подковывавшим лошадей и присматривавшим за ними) или, например, поваром. Мы можем быть уверенными, что каждый из этих шестерых йоменов был хорошим специалистом в какой-либо важной области.

За службу графу платили 250 марок в год. Марка равнялась двум третям фунта стерлингов. По современному курсу марка стоит приблизительно 350 долларов, так что годовое жалованье графа Ричарда равнялось приблизительно 90 тысячам долларов – неплохая плата; но, естественно, из этой суммы он должен был платить своим дворянам и йоменам. Жалованье выплачивалось не каждый месяц, а два раза в год – приблизительно 45 тысяч долларов на Пасху и столько же в Михайлов день. Условием службы было то, что во время войны граф должен был отдавать одну треть трофеев и награбленных денег; если же добычу брали его дворяне или йомены, то они отдавали две трети графу, своему хозяину, а одну треть от той трети, что оставалась в их распоряжении, они передавали принцу Уэльскому. Если граф и его люди захватывали какую-то чрезвычайно важную добычу – вражеского военачальника, порт или замок, – то это немедленно отдавалось принцу за соответствующую компенсацию.

Через год, в 1413 году, принц Генрих стал королем Генрихом V, и граф Ричард исполнял обязанности лорда-распорядителя на коронации, а это была очень важная должность. В том же году он пересек Ла-Манш с заданием отыскать возможность для установления прочного и длительного мира с Францией и обсудить возможность бракосочетания Генриха V с дочерью французского короля Екатериной. Посольство оказалось неудачным, и через несколько месяцев Англия и Франция снова оказались в состоянии войны.

После начала войны, в 1415 году, граф Ричард стал капитаном Кале, то есть получил ключевой в военное время командный пост. В то время ему было тридцать четыре года, и мы видим, как изменился состав его свиты. Занимая предыдущий пост, в 1412 году он был всего лишь придворным в свите принца Уэльского и имел в своем непосредственном подчинении четверых дворян и шестерых йоменов. Теперь же он сам стал важным генералом с собственной свитой, состоявшей из тридцати конных латников, тридцати конных лучников, двухсот пехотинцев и двухсот пеших лучников. Это был штат мирного времени. Во время войны численность конных воинов возрастала до ста сорока, конных лучников – до ста пятидесяти, пехотинцев – до ста, пеших лучников – до ста восьмидесяти четырех. Помимо этого в отряде появлялись четверо конных разведчиков, сорок арбалетчиков, двадцать плотников, пять каменщиков, а также оружейники, строители, кирпичники, кузнецы, другие служащие и наемники; «за каковую службу он сам получал 6 шиллингов 8 пенсов в день, его рыцари 2 шиллинга в день каждый, остальные конники 1 шиллинг в день, каждый конный лучник и каждый пеший солдат получал 8 пенсов в день, а каждый пеший лучник 6 пенсов в день». Таким образом, сам граф Ричард получал 175 долларов в день в переводе на современные деньги, его рыцари около 50 долларов, солдаты около 30, конные лучники и пехотинцы по 20, а пешие лучники по 15 долларов в день.

Приехав в Кале и приняв должность, граф Ричард обнаружил, что французы не слишком расположены его атаковать, и решил вместо настоящего сражения устроить турнир. Хотя я много рассказывал о турнирах в своей предыдущей книге, все же стоит описать один турнир и здесь, так как подготовка и организация их была одной из обязанностей владельца замка или правителя города.

«Он велел изготовить три щита, один для Зеленого рыцаря, один для шевалье Вера, а один для рыцаря, коего он назвал шевалье Сопровождающий; они должны были выдерживать схватку острыми копьями. Каждый из рыцарей бросил вызов, и все они были отправлены ко двору французского короля. Три французских рыцаря ознакомились с вызовами и приняли их, согласившись явиться на поединок в назначенный день в назначенное место. То была местность, называемая Парк-Хеджем близ Гина. Первый из рыцарей, сэр Жерар Эрбом, назвался Красным рыцарем, второй, сэр Хью Лоней, назвался Белым рыцарем, а третий рыцарь назвался своим подлинным именем – сэр Коллар Фин.

В назначенный день граф, воплощая собой Зеленого рыцаря, выехал в поле с закрытым лицом в плюмаже из страусовых перьев, на коне, украшенном гербами лорда Тоней (один из предков графа). Первый поединок был с Красным рыцарем, и на третьем столкновении граф выбил его из седла и, не подняв забрала, с закрытым лицом отбыл в свой шатер, после чего послал Красному рыцарю доброго коня.

На следующий день он выехал в поле в обличье шевалье Вера, снова с закрытым забралом, в шлеме, украшенном венком и с плюмажем из страусовых перьев; конь нес гербы Хэн-слапа, то есть две красных полосы на серебряном поле; на поле шевалье Вера встретился с Белым рыцарем, трижды сбил с его шлема забрало и разбил нагрудный щиток лат, после чего победоносно вернулся в свой шатер в целых доспехах, так никем и не узнанный, ибо и на этот раз он не поднял забрала. Вернувшись в шатер, он послал Белому рыцарю (сэру Хью Лонею) доброго коня.

Но на следующий день, в последний день турнира, он явился на ристалище с открытым лицом, и шлем на нем был такой же, если не считать того, что венчик был богато усыпан жемчугом и драгоценными камнями, а в четырех полях были гербы Ги и Бошампа, а на конном нагруднике гербы Тоней и Хэнслапа; и он сказал, что хорошо потрудился в предыдущие два дня и с Божьей помощью так же славно потрудится и в третий. Он трижды сталкивался с сэром Колларом Финном и каждый раз опрокидывал француза на спину, на круп лошади, так что тот сказал, будто противник его привязан к седлу. Чтобы опровергнуть эти слова, граф спрыгнул с лошади, а потом снова вскочил в седло. Но все закончилось тем, что он вернулся в свой шатер, послал сэру Коллару Финну превосходного жеребца, устроил для всех пир и щедро наградил трех рыцарей, после чего с честью отбыл назад в Кале».

Граф отличился на военной службе у Генриха V во французских его кампаниях, хотя в «Представлении...» ничего не сказано о пребывании Ричарда при Азенкуре. В 1420 году граф снова отправился во Францию договариваться о бракосочетании короля и принцессы Екатерины; но на этот раз он отправился в посольство со свитой в тысячу воинов, и, как мы знаем, свадьба состоялась в том же году.

Еще один интересный источник сведений об обыденной жизни графа – это расходные книги за 1431—1432 годы. В 1431 году малолетний Генрих VI, которому тогда едва сравнялось десять лет, отправился во Францию, чтобы короноваться в Париже; в расходной книге графа мы находим несколько упоминаний об этом визите.

Первая запись в книге касается пергамента и переплета, заказанных для изготовления самой книги; есть множество записей следующего типа: «За три груза тростника, купленного у Халшайда для покоев лорда и леди, 23 шиллинга». Но более интересны, такие, например, записи о состоявшихся визитах: «*Суббота 23 июня*. Прибыл король с двумя герцогами, шестью рыцарями, восемнадцатью дворянами и двадцатью йоменами для выпивки, после которой все уехали». «*Понедельник 6 августа*. Лорд, после завтрака, отбыл с одиннадцатью дворянами, тринадцатью йоменами, двенадцатью слугами, восемью пажами при двадцати шести лошадях. Также прибыли мадам Тэлбот с одной девицей, одним дворянином, монахиней из Лэйна, Уильям Норрейс, Ричард Бошамп, мастер Джон Аптон – все они отобедали, отужинали и отбыли прочь». «*Понедельник 19 ноября*. В связи с бракосочетанием Джеймса Драйленда и Алисы Лайтфут. Прибыли мадам Тэлбот с двумя девицами и четырьмя дворянами – все отобедали, отужинали и остались на ночлег. Также приехали граф Стаффорд, лорд де Одли, сэр Вильям Пейто и десять дворян и тринадцать йоменов, а также Джеймс Драйленд с восемью слугами, мадам Блонт, мадам Пейто, мадам Годард с восемью девицами, шестью женами членов городского совета, мастер Джон Аптон, четверо королевских йоменов. Все отобедали и удалились прочь».

Есть в книгах и другие записи, интересные тем, что они весьма подробно рассказывают о том, как люди путешествовали в те времена: «И за счет леди графини Уорвикской отправились водным путем из Руана в Париж. Путешествие началось в субботу 1 декабря, все плыли по реке в течение семи дней и, таким образом, прибыли в Париж в ночь с пятницы на субботу – с мадам Тэлбот, двумя девицами, тремя дворянами, одним слугой, мадам Годард с одной девицей, двумя йоменами, одним пажом, четырьмя королевскими офицерами, один дворянин кардинала с одним йоменом и двумя оружейниками, в одно время с пятьюдесятью четырьмя другими гостями». «И наняли одну баржу в Руане для перевозки припасов и продовольствия лорда, а именно пшеницы, овса, рыбы и дров и других предметов до Парижа, куда лорд направлялся на коронацию короля... и к пятнадцати баржам наняли еще одну для лорда герцога Бедфорда, для леди Уорвик с леди Тэлбот и девицами леди и с многими королевскими офицерами от Руана до Парижа на коронацию короля с платой 10 шиллингов мостовой пошлины... и передано из рук лорда и леди хозяину баржи за труды перехода от Руана через Париж – 8 фунтов 5 шиллингов – до Турнуа».

И за купленные четыре новых колеса для кареты лорда, а также на железо и гвозди для ремонта корпуса упомянутой кареты и за надзор Джона Болла вкупе с четырьмя постройками, купленными для той же работы. И за изготовление одной кареты для лорда под надзором Джона Болла».

В книге множество записей такого рода, и они показывают, что путешествия по дорогам в каретах, бывших четырехколесными экипажами такого же типа, какие использовались во времена Карла I двести лет спустя, были почти столь же обыденным явлением, как и путешествия по воде.

Когда в 1435 году умер Джон, герцог Бедфордский, граф Ричард стал генерал-лейтенантом всего Французского королевства – если, конечно, иметь в виду его английскую часть, которая несколько сократилась в размерах и которую граф старался снова расширить. «Представление...» продолжает: «Немедленно после того он сел на корабль вместе с леди и сыном, чтобы отправиться через¹. Заметив страшную опасность – ибо их застигла страшная буря, он приказал привязать себя и своего сына к главной мачте, чтобы, если они погибнут, его бы потом опознали по гербам, и их похоронили бы вместе». Но и графу, и его сыну удалось невредимыми добраться до Франции. В этом месте историк Дагдэйл добавляет кое-что и от себя: «О виде и блеске его экипажа, коим он воспользовался во время этого путешествия, можно в некоторой степени судить по счету, предъявленному художником...» Потом приводится копия счета, из которого становится ясно, какую большую работу пришлось выполнить художнику, нанятому магнатом. По большей части это геральдическое украшение щитов и знамен, большие выпеллы для кораблей и флажки для копий рыцарей. Все это горело яркими живыми геральдическими цветами: изображения медведей на гербах Ги, Бошампа и Хэнслапа и зазубренные знамена Уорвиков, – а также другие гербы и эмблемы его семьи и дома.

К моменту своей смерти, наступившей в 1437 году, граф Ричард был одним из наиболее влиятельных государственных деятелей и любимым многими военным героем. Ему было тогда 58 лет – это немного по нашим современным меркам, но для XV века это была почти старость. Он умер в Руане, поэтому для погребения его тело пришлось перевезти в Уорвик.

Похороны Ричарда Бошампа были, видимо, весьма пышными и торжественными, хотя гробница еще не была готова. Действительно, часовню, в которой собирались устроить усыпальницу, не достроили. Она была построена только шесть или семь лет спустя, и только тогда началась работа с надгробием. Оно было спроектировано одним из лучших каменотесов того времени – лондонским «мраморщиком» (скульптором) Джоном Эссексом. Правда, большую часть работы выполнил мраморщик Джон Брод из Корфа в Дорсете, который начал трудиться над надгробием могилы задолго до того, как оно было закончено в 1454 году. Убранством капеллы занимались два других ведущих ремесленника, Прадд – королевский стекольщик, который оформлял окна, и Ричард Берд, плотник из Лондона, изготовивший резные доски панелей, которые до сих пор находятся в часовне, и экран, прикрывающий орган.

Все скульптурные работы – а их в капелле множество – были выполнены Джоном Массингемом, достойным современником Донателло и самым именитым английским скульптором той эпохи. Некоторые детали он резал по дереву – это были маленькие фигурки, установленные в нишах по бокам надгробия, – так называемые плакальщики, а в 1450 году Массингем принялся за изготовление изваяния графа в натуральную величину в доспехах. Когда все детали были закончены, их отправили господину Уильяму Остену, лондонскому меднику, который отлил их по представленным моделям из бронзы, которую затем покрыли позолотой. Массингему заплатили за работу 66 фунтов, по современному курсу это около 35 тысяч долларов. Деньги были выплачены за период с 1447 по 1449 год за работу в капелле. Кроме того, в нашем распоряжении имеется счет, который оплатили Остену за отливку изваяния.

¹ пролив

Рис. 2. Голова изваяния Ричарда Бошампа, превосходный скульптурный портрет. Модель для этого портрета была вырезана из дерева мастером Джоном Массингемом. Если модель не была вырезана при жизни графа, то, вероятно, ее изготовили по посмертной маске.

Вы можете задать мне вполне резонный вопрос: если это изваяние представляет собой портрет графа, то как можно было добиться портретного сходства пятнадцать лет спустя после смерти? Ведь не мог же граф Ричард встать из гроба и позировать Джону Массингему. Разгадка весьма проста – дело в том, что в XIV—XV веках, а возможно, и раньше, существовал обычай делать восковой или гипсовый слепок с лиц умерших выдающихся людей. Это делалось для того, чтобы добиваться полного портретного сходства изображений лица, которое добавлялось к выполненной в полный рост фигуре, одетой в парадные одежды и уложенной на гроб или на катафалк в похоронной процессии. В музее, расположенном в монастыре Вестминстерского аббатства, выставлены такие «посмертные маски» нескольких средневековых монархов. Самые лучшие из них – маски Эдуарда III (ум. 1377), Анны Богемской (супруги короля Ричарда II; ум. 1393) и Генриха VII (ум. 1507). Если сравнить эти точные слепки августейших лиц с лицами изваяний, находящихся в аббатстве, то можно заметить, что скульптор пользовался посмертной маской как моделью. То же самое можно сказать и о скульптурном портрете Ричарда Бошампа. Джон Массингем вырезал из дерева портрет графа, имея перед глазами посмертную маску. Перед его глазами стояли также и доспехи. Но в качестве модели он использовал отнюдь не старые латы графа Ричарда. Массингем вырезал свои скульптуры в 1450

—1454 годах. Аристократ умер, если вы помните, в 1439 году, и за прошедшие с тех пор одиннадцать лет стиль доспехов немного изменился. Доспехи, которые мы видим в капелле церкви Святой Марии, вполне соответствуют по стилю доспехам 1450 года. Есть несколько сохранившихся образцов, которые показывают, что такие латы не могли быть изготовлены раньше 1450 года, а на многих итальянских картинах, выполненных в период с 1445 по 1455 год, мы видим в точности такие же латы.

Такие мастера, как Джон Эссекс, Джон Брод и Ричард Берд из Лондона, работали в крупных замках. Известные и даровитые архитекторы, возводившие кафедральные соборы и аббатства, строили также и замки, предварительно консультируясь с военными людьми, которые знали, что им нужно, например, с такими, как Ричард Львиное Сердце. Он и сам был превосходным знатоком строительства замков, великим воином, изящным поэтом и сочинителем песен. Однако замки, бывшие культурными центрами и жилищем богатых людей, нуждались не только в укреплении, но и в красивом убранстве. Поэтому в любой период эпохи замков только лучшим ремесленникам и выдающимся художникам поручали изготавливать панели для обшивки стен капеллы, большого зала, солярия господина и его спальни, вставлять в окна зала и капеллы узорчатые стекла, ткать ковры для стен и расписывать их там, где они не были закрыты коврами или деревянными панелями. Эти замки не были фортами – они были жилыми домами для богатых и знатных.

Глава 2

Замки, помещики и рыцари

Когда мы стоим под стенами средневекового замка, то обязательно думаем о войне. В своем воображении мы слышим рев и шум битвы – лязг стали, боевые кличи, скрип, треск и стук баллист, громopodobные звуки, издаваемые вылетающими из них камнями, ритмичный и зловещий бой таранов и стенобитных машин, шипение кипящего масла, которое льют осажденные в ров на воинов противника, трескучий свист летящих стрел. Стоит нам представить замок изнутри, как перед нашим внутренним взором предстают свирепые бароны, окруженные ордами вооруженных до зубов солдат и пирующие во внутреннем зале замка, в то время как несчастные узники, лишённые света и пищи, умирают в кишках крысами подвалах донжона, сгнивая заживо на мокрой вонючей соломе. От этой весьма колоритной картины, навеянной романтическим невежеством, тем более трудно отказаться, что в ней есть небольшой элемент истины. Были осады и жестокие битвы под стенами замков. Были и бароны, которые, правда, в целом менее свирепы и более цивилизованны, чем их описывают нам романисты. Были конечно же и несчастные узники.

Но давайте постараемся увидеть замок таким, каким он был в действительности. Для обитателей среднего английского замка на каждый день войны приходились тысячи дней мира. Многие замки вообще ни разу за свою историю не подвергались осадам. Значение средневекового замка заключается в том, что это была не просто крепость – это был главный дом знатного семейства. В замке отправлялись все дела по управлению прилегающим районом, сюда стекался бесконечный поток визитеров и гостей – и это были не только рыцари, но и художники, ремесленники, музыканты, писатели и юристы. Например, здесь можно было встретить каменщиков, работавших на возведении больших соборов и аббатств. Этих людей хотя в те времена и считали каменщиками, в наше время, скорее всего, можно было бы назвать архитекторами. Многие из них были поистине выдающимися личностями, чьей квалификации и совета искали монархи – то были люди, которые проектировали и строили такие великие сооружения, как капелла Кафедрального собора в Линкольне, башня Солсбери, шпиль Эксетера и большие замки Конвея, Бомари и Карнарвона. Там бывали скульпторы, подобные Джону Массингему, останавливались во многих замках Чосер и Жан Фруассар – люди весьма высокого полета. Чосер, великий поэт и рассказчик, был любимцем Ричарда и его двора; Фруассар, на редкость одаренный популярный историк, первоклассный исторический новеллист, был другом супруги Эдуарда III, Филиппы д'Эно, а также спутником Черного принца и всех тех великих рыцарей, о которых он столь живо рассказывал. Эта блестящая знать и их менее знаменитые современники и были людьми, которых часто можно было встретить в замке. Посещали замки также и музыканты, композиторы и певцы – люди, подобные современным Джеймсу Гэлвею и Лучано Паваротти, – кроме того, всегда находились там и популярные в народе исполнители – группами и в одиночку, – подобно сегодняшним поп-группам и эстрадным исполнителям. Собирались в замках и великие спортсмены. Любители турнирных схваток, поединков на мечах, а также большие специалисты по верховой езде и охоте – псовой и соколиной. Наезжали в замки и крупные военачальники – Уильям Маршал, Саймон де Монфор, Джон Гиффард, Генри Гросмонтский, граф Дерби, Томас Дэгуорт, Роберт Кноллис – список можно продолжать до бесконечности. Давайте для наглядности представим себе гостей за обеденным столом в большом зале Уорвикского замка в какой-нибудь из дней 1357 года. Граф Томас Бошамп сегодня дома, с ним несколько французских аристократов, которых он взял в плен, командуя правым флангом армии Черного принца в битве при Пуатье год назад. Присутствует здесь также и господин Генри Йевел, великий архитектор, работающий над проектом нового шпиля Кентерберийского собора; сэр Роберт Кноллис, знаменитый и любимый в войсках начальник наемников; насто-

ятельница монастыря, направляющаяся с визитом к королевскому двору в Виндзоре; группа музыкантов, которые попросились присоединиться к свите принца в Бордо; художник, работающий над росписью стен в апартаментах графа; один из членов Королевского суда вместе со свитой клерков и чиновников. Если назвать представителей этого собрания на современный манер, то можно сказать, что на обеде присутствовали сливки общества – правительственный чиновник высокого ранга, он же хозяин дома, группа корпоративных руководителей, ведущий архитектор и выдающийся художник, генерал, уважаемый писатель, известная поп-группа и член Верховного суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.